

Маревна
(художница)

3.08.05

Маревна, королева Монпарнаса

Россия - 2005 - 398 - с. 19

Когда она собиралась возвращаться в Москву из Парижа, Пабло Пикассо сказал ей: «Не уезжай. Мы сделаем из тебя художницу». И она осталась, чтобы стать одной из легенд русского Парижа, да и всей истории изобразительного искусства XX века. Ей признавались в любви Пабло Пикассо и Хаим Сутин, Илья Эренбург и Борис Савинков, ей посвящали стихи Максимилиан Волошин и Гийом Аполлинер. Она дружила с Шагалом и Осипом Цадкиным. И кто бы мог подумать, что Мария Воробьева, девочка из нищей семьи, родившаяся в деревне недалеко от Чебоксар, станет королевой Монпарнаса...

Виктор Леонидов

Псевдоним Маревна, по имени одной из героинь русских сказок, придумал ей Максим Горький. Она приезжала к нему на Капри, почти одновременно с будущим вождем Октябрьской социалистической революции. У нее даже возник роман с его приемным сыном Юрием, но продолжения эта любовь не имела. Зато была другая любовь — с великим мастером и неисправимым сердцеедом Диего Риверой.

После триумфального показа в России фильма «Фрида» у нас сегодня о нем имеют представление не только искусствоведы. Огненный мексиканец и великий монументалист, национальный герой Мексики очень привлекал историков своей мнимой причастностью к смерти Троцкого. Но мало кто вспоминал о европейском периоде его жизни и о том, что он был мужем великой русской художницы, о которой до недавнего времени почти забыли в России.

А между тем творчество Маревны, родившейся в Чувашии, жившей во Франции и нашедшей вечный покой в Лондоне в 1984 году, привлекало историков искусства со всего мира. Потому что она полноправно вошла в созвездие лучших художников русского Парижа и, работая на самом остром авангардного направления, всегда сохраняла связи с могучими традициями своей Родины.

«Она выросла на Кавказе, попала в «Ротонду» девочкой, выглядела экзотично, но не была наивной: требовала правды, прямоты, честности». Так писал о Маревне Илья Эренбург, один из ближайших собратьев по парижской богеме начала века. В Париже, ку-

да она приехала в 1912 году, Маревна сразу попала в легендарный «Улье» — общежитие для художников в районе Монпарнаса. Место, которое значит для культуры Европы новейшей истории примерно столько же, сколько для истории Возрождения мастерские, которые содержал Лоренцо Медичи.

Маревна. «Художники «Улья»

В «Улье», который впоследствии был воспет в сотнях воспоминаний и искусствоведческих работ, работали художники из всех стран Европы. Здесь имелось около сотни мастерских, которые оплачивал меценат и преуспевающий скульптор Альфред Буше. На рубеже 1910-х годов здесь все больше было мастеров из России — из еврейских местечек и дворянских усадеб, из столиц и провинциальных городов. Архипенко, Сутин, Шагал, Волошин и многие другие вместе с французами, испанцами, итальянцами работали в «Улье» и создавали, как потом выяснилось, шедевры,

определившие стиль жизни целого столетия.

«Одно наше появление на улице привлекало всеобщее внимание. Впереди — уверенной походкой, с огромным чувством достоинства — шел, размахивая тростью с ацтекскими фигурками, огромный, смуглый, бородатый Диего Ривера. Дальше — я, в розовой широкополой шляпе, отцовской накидке, велосипедных бриджах, белых носочках и черных туфельках. Потом Модильяни — чудесные кудри эпохи Возрождения, расстегнутая до пояса рубашка, книга в руке, он шел, декламируя строчки из «Ада» Данте. За ним Сутин — длинная челка до глаз, сигарета в зубах, раскрасневшийся и сияющий...

цы, но и обретение прекрасного образца мемуаристики, книги, связанной с памятью о многих людях, которых впоследствии безоговорочно называли гениями.

Перед нами проходят самые разные герои, но автора никогда не подводит четкий, острый глаз. «Он был среднего роста, прямой, стройный, с лысеющей головой и узким, вытянутым лицом. Легкие морщины вокруг глаз тянулись к вискам, как у наших татар, а когда он говорил, глаза щурились еще сильнее, веки, почти без ресниц, оставляли узкую щель, сквозь которую сквозил его пронизательный, ироничный взгляд... Его манеры и умение говорить производили большое впечатление. Постепенно моя неприязнь к нему исчезла, и Савинков стал мне нравиться». Борис Савинков, само собой, мало принадлежал к художественной элите, но образ его слишком много значит для нашей истории. Или, к примеру, другой портрет, сочно выписанный Маревной: «Макс Волошин тоже был моим хорошим другом. Он был невысокий, плотный, с гривой темных волос; борода и усы делали его похожим на льва. Его небольшие серые глаза излучали силу, ум и чувство юмора. Он носил бархатную блузу и большой мягкий бант вместо галстука. Дома он одевался в греческую тунику и сандалии и, чтоб кудри не развевались, повязывал ленту. Он был невероятно чисто плотным, не пил, не курил и был очень сдержан».

Читать книгу необычайно интересно. Впрочем, еще раз посудите сами: «Кафе «Ротонда» было местом сбора некоторых членов русской колонии, главным представителем которых на Монпарнасе был Илья Эренбург... Сюда заглядывал угрюмый Троцкий, чтобы сыграть партию в шахматы с не менее угрюмым Кандинским, художником-абстракционистом. Эти две мрачные личности — темные волосы, борода клинышком и мексиканский профиль — всех настораживали, мы считали их полицейскими агентами, но Эренбург успокоил нас, объяснив, кто есть кто».

Далее Эренбург с лошадиным лицом, похожий на льва Волошин, Пикассо и Жакоб, один — в огромном «пальто кубиста», другой — в приталенном пальто, черном цилиндре, белых перчатках и гетрах...

Именно эти слова из знаменитых воспоминаний Марии Воробьевой-Стебельской (известной миру под псевдонимом Маревна) «Моя жизнь с художниками «Улья» вынесли составители книги мемуаров Маревны на русском языке, которая наконец-то увидела свет. Книга Маревны, вне всяких сомнений, — событие в нашей культурной жизни. Это не только возвращение имени прекрасной русской худож-